

Теория и история культуры
Theory and history of culture

DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-8-29>

УДК 008 + 1(091)

ББК 71.07 + 83.3(2Рос=Рус)4

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2020 г. В. В. Мильков

г. Москва, Россия

**КИРИК НОВГОРОДЕЦ — УЧЕНЫЙ ИНОК И ЕГО «УНИВЕРСИТЕТ»
(О ЗНАЧЕНИИ АНТОНИЕВА МОНАСТЫРЯ
В ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЕ ДРЕВНЕРУССКОГО КНИЖНИКА)**

Аннотация: В статье на основе письменных и невербальных источников анализируется качество учености Кирика Новгородца, соответствующее высшему образованию той эпохи. Нетипичный для монастырской культуры домонгольского времени научный и богословский кругозор Кирика объясняется тем, что переселившиеся из Европы основатели монастыря Рождества Богородицы, возведенного на средства Антония Римлянина, были его учителями. Делается вывод, что не имеющие аналогов в древнерусской книжности сюжеты творческого наследия Кирика Новгородца были обусловлены религиозным своеобразием Антониевой обители, которое проявлялось в архитектуре, программе росписей, книжном фонде и внутреннем порядке монастырской жизни. Приведены доводы в пользу происхождения монастыря-переселенца из той области Италии, где с одинаковым пиететом относились как к традициям Восточного, так и Западного христианства. Отсутствие антилатинской тенденциозности и наличие латинско-греческих консонансов указывает на сознательное сохранение и трансляцию европейских элементов с типологическими признаками Кирилло-Мефодиевской традиции и пережиточными элементами ирландского христианства. Кирик рассматривается как представитель рационализированной христианской традиции, с проявлением интереса к античному наследию и методологии пифагорейцев.

Ключевые слова: Древняя Русь, Кирик Новгородец, Антониев монастырь, европейское влияние на новгородскую культуру XII в.

Информация об авторе: Владимир Владимирович Мильков — доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии Российской академии наук, ул. Гончарная 12, стр. 1, 109240 г. Москва, Россия. E-mail: dr_milkov@mail.ru

Дата поступления статьи: 22.11.2019

Дата публикации: 28.06.2020

Для цитирования: Мильков В. В. Кирик Новгородец — ученый инок и его «университет» (о значении Антониева монастыря в творческой судьбе древнерусского книжника) // Вестник славянских культур. 2020. Т. 56. С. 8–29. DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-8-29>

Комплекс Антониева Рождества Богородицы монастыря в Новгороде и наследие инока этого монастыря — явления необычайно яркие и неординарные в древнерусской культуре. При этом налицо уникальная особенность: в содержании текстов, созданных иноком этого монастыря-переселенца, а также в порядках, внешнем виде и убранстве обители присутствуют признаки, нетипичные для церковной жизни Древней Руси. Черты своеобразия коррелируют друг с другом и помогают понять уникальность среды, в которой формировался выдающийся отечественный ученый книжник.

Вопрос о необычном характере этой обители в историографии ставился неоднократно, но своеобразии творчества Кирика в этом контексте практически не анализировалось. Причина в том, что история раннего христианства в стране традиционно рассматривается исключительно в рамках византийско-русских церковных отношений. Но римские корни обители не укладываются в прокрустово ложе чисто византийской схематики. По линии связей инок — монастырь выявляются общие для них признаки, позволяющие говорить об элементах христианского Запада в восточнохристианском контексте.

Кирик Новгородец продемонстрировал своим творчеством не свойственную для своей эпохи широту кругозора, оригинальность и смелость суждений, что отличает его от других авторов, вышедших из монастырской среды Древней Руси. Все это обязывает обратиться к поиску истоков ученой и богословской подготовки, а поскольку в Средневековье центрами обучения были монастыри, то и Антониевскую обитель следует рассмотреть в этом ракурсе. В ее стенах сформировался обладавший многогранными дарованиями инок, сфера занятий которого охватывала математику, календарь, хронометрию, астрономию, космологию, натурфилософию, богословие, каноническое право и музыку [28]. Феномен Кирика — это явление яркое, самобытное и в полной мере еще не оцененное исследователями, которые в силу своей профессиональной специализации касаются лишь отдельных граней разностороннего творчества древнерусского писателя и мыслителя [27, с. 13–79].

До нас дошло два авторских произведения, надписанные именем Кирика. К ранней поре творчества относится «Учение о числах». Произведение представляет собой научный микротрактат, отвечающий критериям высокой средневековой учености. Его автор демонстрирует высокую математическую квалификацию и умение производить расчеты с большими цифрами. Математический инструментарий используется для астрономических и календарных вычислений, а их безукоризненная точность позволяет считать «Учение» образцом научно обоснованной хронологии [49, с. 155].

В начале сочинения описываются способы измерения времени (пункты 1–6, 10). Отдельно дается характеристика високосному году и большому индиктиону (пункты 14–15)¹. В контексте временных исчислений вводятся понятия солнечного и лунного циклов с дополнением методики их расчетов (пункты 7–8). Кириком суммированы базовые понятия хронометрии для осуществления календарных исчислений с учетом специфики циклизма светил. Все данные сопровождаются расчетами о количестве истекших циклов к моменту написания «Учения». Кириком фиксируется количество лунных и солнечных месяцев в году, а также указывается число недель, дней и часов в пределах года, с учетом високосных лет (пункты 16–19).

Частью раздела о циклических процессах являются статьи о поновлении стихий (пункты 10–13). Эти статьи дают представление о космологических и натурфилософских идеях «Учения» и тех источниках, которые были в распоряжении Кирика. В указан-

¹ Здесь и далее указание дается на номер статьи «Учения» по изданию [28, с. 312–325, 342–344].

ных пунктах охарактеризованы эмпирически не наблюдаемые обновления стихийных сфер мироздания. Периодичность обновления неба определяется в 80 лет, земли — в 40 лет, моря — в каждые 60 лет, а вод — через 70 лет. Идея циклического обновления материальных оснований мира генетически восходит к разрабатывавшимся в античный период концепциям космо-стихийного мироустройства [30, с. 14; 6, с. 243–246; 5, с. 208]. Кирик воспроизводил христианскую переработку античной концепции четырех первоначал бытия, согласно которой четверицу стихий отождествляли с первотворениями: небом, объемлющим огонь и воздух, землей и водами (отдельно земными и отдельно небесными) (ср.: [1, с. 315–316, 663, 838–839; 19, с. 96–97, 107, 176, 303, 345]). В экзегезе речь шла о первоматерии в виде агрегатных состояний вещества [7, с. 134]. Ближайшие аналоги стихииологии «Учения» — это восходящие к глаголическим оригиналам так называемые «семитысячники», которые имеют моравское или болгарское происхождение [5, с. 31]. Они происходят из зоны контактов православия с латинским Западом, в которой сохранялись традиции Кирилла и Мефодия и в которой длительное время продолжала использоваться глаголица [22, с. 126–129]. «Семитысячники» получили свое название от того, что в них содержатся данные о количестве месяцев, дней, часов, високосов, индиктов, лунных и солнечных кругов в 7000 лет. Они изобилуют ошибками в результате перевода числовых показаний на кириллицу. Кирик определял длительность времени во всех измерениях к моменту написания своего труда. Математическая сторона всех вычислений им исполнена безукоризненно.

Если оценивать «Учение о числах» в целом, то оно характеризует мироздание в динамике, подчиненной универсальному закону цикличности. Явления предстают в ритмике бытия синхронизованными и гармонизованными. В этом ритме выявлена гармоническая закономерность, которая проявляется в соотношениях между продолжительностью стихийных циклов: обновление воды (70) представляет среднее арифметическое длительности обновлений неба (80) и моря (60), а длительность обновления моря (60) — среднее арифметическое по отношению к небу (80) и земле (40) [15, с. 239–243; 8, с. 41].

Отдельным блоком в «Учении о числах» стоят статьи о дробных делениях часа (пункты 21–27). Итоговый результат деления выражается очень малой величиной — $1/937500$ (или $1/5$ в минус 7-й степени). Отмечено, что данный временной размер равен 46 миллисекундам. Поскольку это соответствует минимальной длительности звука, уловимого на слух, высказано предположение о прикладной значимости соответствующего измерения для Кирика, ответственного за подготовку монастырского хора [33, с. 144].

Уникальные сведения о себе автор «Учения о числах», датированного 1136 г., сообщал в автобиографической приписке. Сочинение появилось в годы формирования республиканской формы правления, приведшей к реформе церковной власти, которая выводила новгородского владыку из-под влияния митрополита, а соответственно, и великого князя [11, с. 310; 63, с. 21–33; 64, с. 62–79; 61, с. 186–207]. Кирик как будто не замечает перемен и никак не проявляет прореспубликанских симпатий. Он подчеркивает, что его труд создан в правление Иоанна II Комнина (1118–1143) и Святослава Ольговича (новгородский князь 1136–1138, 1139–1141). В один ряд с базиливсом он ставит личного врага архиепископа и бесправного временщика. Это позволяет считать Кирика сторонником единой княжеской власти, хотя киевский князь утратил реальный контроль над Новгородом после ухода из него в 1117 г. наследника Мономаха Мстислава Владимировича, а окончательно после изгнания сына последнего — Всеволода Мстиславича (1117–1136).

Содержание «Учения о числах» имеет светский характер. Автор всецело сосредоточивается на описании процессов посюстороннего мира. Действительность характеризуется в количественном измерении, что соответствует методологии пифагорейцев, согласно которой все выражается и познается числом. Для монастырской книжности домонгольской поры труд Кирика единственный в своем роде, а это обязывает обратиться к исследованию среды и предпосылок, в которых подобное произведение могло появиться.

Второй труд Кирика — «Вопрошание» — создавался в 40–50 гг. XII столетия. Это сочинение в жанровом отношении представляет синтез вопросно-ответной формы с богословско-каноническим содержанием. Автор «Вопрошания» демонстрирует глубокую богословскую подготовку, необычайную пытливость, неординарность мышления и широкий для своего времени кругозор.

Обратимся к материалам, выходящим за нормы канонической практики Древней Руси. В 76 пункте Кирик обнаруживает знание западного покаянного права и ставит перед новгородским владыкой Нифонтом вопрос о том, насколько обоснована замена церковного наказания заказными литургиями. Судя по озвученным подробностям, вопрошателю был известен реестр, устанавливавший соотношение между длительностью сроков наложенных наказаний и замещающих их служб. Во-первых, за этим вопросом просматривается знакомство с соответствующей книжной нормой; во-вторых, Кирик не задавал не имевших отношения к новгородской действительности вопросов. Из этого следует, что он обозначил известную ему ритуальную практику, не соответствующую канонам Восточно-христианской церкви. Целый ряд исследователей считает, что Кириком было воспроизведено правило Бонифатия — апостола Германии (род. 672/755 г., убит в 754 г.) [53, с. 161–163; 35, с. 110–124; 31, s. 422; 22, с. 171. Противоположную точку зрения см.: 39; 43, с. 308]. Регион, в котором проповедовал Бонифатий, являлся зоной ирландского миссионерства, где основывались монастыри без иерархической субординации. Характерно, что Нифонт даже не задается вопросом о несоответствии таких установлений византийской покаяльной дисциплине. С позиций обычной житейской логики он просто объявляет подобный порядок порочным, ибо на практике это дает возможность богатым откупаться от грехов и не прикладывать усилий к их исправлению. В аналогичной ситуации владыка проявляет снисходительность и благословляет оплату сорокоуста по живым (пункт 101). В этом контексте католическая практика прощения *на дару* выглядела привлекательной и к таковой, отталкиваясь от факта доступности для духовенства западного церковного права, в Новгороде вполне могли прибегать, судя по существованию прейскуранта на службы сомнительного свойства. Исключать наличие в библиотеке монастыря-переселенца из Рима латинских текстов и определенного влияния их на ритуальную практику в Новгороде нельзя.

Надо отметить, что взаимоотношения с представителями западного христианства в торговом Новгороде были весьма специфическими и во многом объясняют отсутствие остроты при обсуждении проблемы заказных литургий. Укажем на существование упрощенной процедуры перехода в православие латинянина. Переход сводился к миропомазанию и установлению восьмидневного испытательного срока, после которого латинянин приравнивался к новокрещеному. Причем владыка считает возможным сократить испытательный срок или отказаться от него совсем, если осуществлявший таинство уверен в человеке (пункт 10). Миропомазание в аналогичных ситуациях рекомендуют постановления II Всел. 7 и Лаод. 7, что соответствовало практике неразделенных ветвей христианства. После обострения отношений между Церквами от переkre-

щиваемых, как от еретиков, требовалось отречение от прежней веры [3, с. 177]. К тому же бытовое общение с католиками не было в «Вопрошании» табуировано, и на его статьях ни в каком виде не отразилось влияние антилатинской полемики [20, с. 94–95]. Если принять во внимание прозападные симпатии старшего мономашича, то налицо благосклонные условия для переkreщивания, предполагавшие наличие соответствующей среды, в которую могли входить и группы переселенцев из Европы. Причины появления цикла антилатинских наставлений митрополита Никифора, на фоне повышения общего градуса полемичности, в этой обстановке вполне мотивированы и понятны.

Укажем еще на один пример, когда Кирик Новгородец воспроизводит источники неканонического круга. В 74 пункте своего «Вопрошания» он выносит на обсуждение с архиереем почерпнутое из отреченной книжности суеверие о зачатии детей в неблагоприятные дни. Установлено, что подобные процитированному тексту заповеди читаются в «Святых апостол правилу» [52, с. 29, № 10]. В этих же правилах поднимается тема заказных литургий [52, с. 31, № 44], что свидетельствует в пользу принадлежности рассматриваемых статей одному книжному фонду и дает основание считать, что подобного рода «худым номоканунцем» располагал Кирик. Это не единственный и не исключительный случай выживания неблагонадежных текстов в древнерусской рукописной традиции. То же самое правило воспроизводится в «Заповеди ко исповедающимся сыном и дочерям» [52, с. 125, № 108], а его переделка входит в «Заповеди святых отец ко исповедающимся сыном и дочерям» [55, с. 312].

Перечисленные выше рукописи являются разновидностями апокрифических епитимийников (так называемых «худых номоканунцев»). И по названию, и по элементам фактуры, а также текстологическими методами установлена связь между ними и статьями из «Заповедей святых отец» — переводного латинского пенитенциала VIII в. Происхождение епитимийника связывается с западно-паннонской языковой областью, где заметный след своей деятельностью оставили солунские братья [26, с. 157–158]. Именно из этого региона происходили известные Кирику «семитысячники», которые, как и епитимийники, несут на себе следы кирилло-мефодиевской традиции, как со стороны влияния западной книжности, так и в форме языковых латинизмов.

Как можно видеть, книжный кругозор Кирика гораздо шире довольно устойчивого репертуара монастырского чтения той эпохи. Его необычные вопросы вряд ли можно понять вне европейских культурных контактов как с латинским миром, так и западнославянским (моравским) поликонфессиональным регионом. Можно говорить, что Кирик Новгородец осуществлял трансляцию элементов кирилло-мефодиевской книжной традиции и знакомил древнерусского читателя с обычаем прощения *на дару*, характерным для католического Запада. Среда монастыря-переселенца вполне могла быть благодатной средой для получения познаний такого рода.

Теперь рассмотрим, какие специфически особые черты были присущи самой Антониевой обители. Монастырь-переселенец был основан в 1106 г. по благословению епископа Никиты (ок. 1096–1109). Его основатель появился в Новгороде в годы правления западника Мстислава (1091/2–1095; 1096–1117), сына Владимира Мономаха от брака с дочерью англо-саксонского короля Гаральда Гидой († 1096/97, или 1098/99). Мать Мстислава не порвала связей с европейскими религиозными центрами, делала вклады в монастырь св. Пантелеимона в Кельне и поминалась в его синодике. В 20-х гг. XII в. аббатом Пантелеимонова монастыря Рудольфом со слов Руперта была записана легенда о чудесном исцелении Мстислава Владимировича св. Пантелеимоном. Источником сведений была Гида, а в самом Новгороде оформилось особое почитание цели-

теля Пантелеимона. С покровительством этого святого связано наречение редким крещальным именем Пантелеимон Мстислава сына Изяслава, который затем основал Пантелеимонов монастырь близ Новгорода (по одним данным в 1134 г., по другим — в 1146/45 г.). В 1113 г. Мстислав закладывает Никольский собор, возведение которого увязывается с обретением приплывшей к Ильменю круглой иконы св. Николая, которая стала главным храмовым образом. В поздних записях сохранилась легенда о чудесном исцелении Мстислава от новообретенной святыни. Постройка княжеского собора государственного значения и введение нового праздника осуществлялось в рамках прозападного культа Николы Вешнего [9 (22) мая], привязанного к памяти перенесения мощей святого в итальянский город Бари. К тому же круглая форма новой новгородской святыни имеет аналоги в ирландском христианстве [50, с. 291–292]. Не имевшее отношения к византийской традиции почитание Николы Вешнего на Руси оформляется на рубеже XI–XII вв. Антониев монастырь, с его западными корнями, оказывается в благоприятной для пришельцев из Европы обстановке, открытой религиозным контактам с Западом.

Вопрос о конфессиональной специфике Антониевой общины дискуссионный и имеет прямое отношение к проблеме происхождения основателя монастыря. Прозвание Антония Римлянином некоторые авторы считают вымыслом позднейших агиографов и не соотносят с возможной страной пребывания [46, с. 168; 59, с. 245]. В. Н. Топоров считал прозвище легендарным, возникшим на фольклорной основе. Он пришел к заключению, что в результате «новгородец, русский превратился в коренного римлянина, оброс римской биографией» [56, с. 30]. Полностью к фольклорным истокам возводит морское путешествие из Рима в Новгород Е. А. Рыжова, связав мотив плавания по воде с легендарными сюжетами, описывающими выбор места для обители. Исследовательница опирается на многочисленные устные предания об основании монастырей, частью которых были рассказы о чудесных перемещениях святых по водам [45, с. 9–15]. Только в отличие от житийной истории чудесного путешествия Антония подобные легенды никак не повлияли на официальную агиографическую традицию и книжности не известны. В. О. Ключевский видел в Антонии реального купца и объяснял прозвище занятиями основателя монастыря заморской торговлей [16, с. 311]. Э. А. Гордиенко также считает Антония купцом [12, с. 73]. Объяснение прозвища профессиональным отношением к морским путешествиям давало основание относить Антония к числу своих, русских святых.

На первый взгляд в «Житии» присутствует противоречие, когда герой жития назван Римлянином и о нем же говорится как о представителе греческой веры в латинском мире. Явно речь шла не о католике, ибо тогда применялся бы эпитет с конфессиональной окраской в форме прилагательного: римский = латинский. Топонимическое прозвище в форме существительного указывало на страну происхождения, а под Римом могли пониматься италийские земли в широком смысле [2, с. 95–96]. Сторонники православно-греческой принадлежности италийских мигрантов полагают, что переселенцы в Новгород могли быть выходцами из италийской Калабрии, где имелось греческое население [48, с. 75–77]. В таком случае появляются основания говорить об Антонии как о «чужеземном ревнителе православия» (выражение А. С. Хорошева) [62, с. 71–72]. Но «греками» в латинском мире еще называли ирландцев за хорошее знание ими греческого языка [22, с. 99–102; 50, с. 290]. Они основывали в разных европейских странах монастыри, вели проповедь на местных языках, не отдавая предпочтение ни Западу, ни Востоку, и часто мигрировали. К моменту рассматриваемых событий ирландская тра-

диция была сnivelирована Римской церковью, но ее инерция и отголоски продолжали жить. Наследники «греков» из ирландского мира оставались в Италии, Галлии, Чехии и Моравии [35, с. 5–18; 60, с. 211–251]. Надо думать, что именно они повлияли на разрушение принципа триязычия, тем самым оказав влияние на миссию Кирилла и Мефодия, которые действовали как от Константинополя, так и от Рима.

На иностранное происхождение Антония указывает ряд мотивов, которые не известны греческой агиографии. Они относятся к древнейшему ядру многослойного жития, отражающего факты биографии в записи преемника Антония — Андрея. Объем этого ядра исследователи видят по-разному [65, с. 41–44, 57; 63, с. 24; 2, с. 94]. Согласно первоначальной житийной канве, Антоний чудесным образом преодолел морские пучины и приплыл на место будущей обители на куске скалы. В историографии предлагалось два пути: либо возводить факты жизни и чудеса святого к фольклорной обработке некоей письменно существовавшей истории (В. Н. Топоров), либо признать длительное существование легенд в народной памяти, воспроизводивших стереотипную для фольклора модель устных народных повествований о святых (Е. А. Рыжова). Для письменной культуры проникновение ярких легендарных рассказов в официальные жития, создание которых подчинялось строгим правилам жанра, было не характерно. Позднейшей легендой сюжет плавания по водам также объяснить нельзя, ибо за биографическими сюжетами стоит традиция длительного местного почитания святого. Кроме того, христианской агиографии известны мотивы чудесного плавания, что возвращает сюжет в круг явлений, присущих книжности. Следовательно, остается направить изыскания на поиск происхождения данного мотива с учетом географического ареала пребывания святого.

Мотив чудесного морского путешествия оказывается за рамками широкой агиографической традиции восточного христианства. Круг аналогов не широк. В одном из исследований М. Ф. Мурьянова было верно указано, что мотив чудесного плавания воспроизводится «по лекалам ирландской агиографии» и не имеет прототипов в греческой житийной литературе [31, с. 427]. Несколько лет назад появилась работа, в которой «Плавание святого Брендана», являющееся литературным оформлением культа ирландского святого, возводится к переделке апокрифического «Сказания отца нашего Агапия о хождении в рай» и рассматривается как своеобразный синтез ирландской мифологии, христианских видений иного мира и весьма специфических географических представлений, сопряженных с верой в существование райского острова. В житийном жанре византийского книжного фонда аналогов для такого рода «прикрытого агиографией фольклора» не обнаружено [42, с. 697–716]. Но именно в Новгороде вплоть до XIV в. были популярны легенды о чудесных путешествиях по морю к иному миру, а владыка Василий Калика настаивал на реальности рассказов о плавании к раю и даже ссылался на участников подобных путешествий, как на свидетелей. Видно, что для сознания древних новгородцев архетип чудесного плавания был привычен и актуален [44, с. 339]. Становится понятным и появление клонов этого мотива в фольклорных повествованиях о святых Русского Севера как вторичных по отношению к популярной истории почитаемого новгородского святого.

Е. А. Рыжова обратила внимание на соединение мотива плавания святого с традиционным почитанием так называемых поклонных камней [45, с. 34]. Камень, на котором приплыл Антоний, почитался в основанной им обители как монастырская святыня. К нему, согласно сведениям XVI и последующего веков, приходили за исцелением [24, с. 205–210]. Этот камень действительно можно считать «спасительным» во всех

отношениях. У него даже появились двойники в Поволховье и Приильменье, которые, как и сам Антониевский камень, на деле являлись культовыми архаическими объектами, традиционно использовавшимися в целительских целях [41, с. 136]². Камни, как глубоко архаические культовые объекты на Северо-Западе Руси, наделялись целительными свойствами. Включение дохристианских культовых объектов в ритуальный обиход с христианской редакцией было характерно для ирландской церкви [50, с. 296].

Второй мотив древнейшего ядра жития продолжает тему укрощения водной стихии. Средства, на которые возводится монастырь, — «имение преподобного», — чудесным образом переносятся через водные пучины в Новгород. Нанятые Антонием рыбаки по молитве святого вылавливают брошенную им в море бочку с драгоценностями, среди которых «надписи же на сосудехъ римскимъ языкомъ написаныя». За этой чудесной историей скрывается зерно правдоподобия — в музеях сохранились реальные европейские церковные ценности из ризницы Антониева монастыря³. Сам факт существования связанных с Антониевым монастырем реликвий работы романских мастеров указывает на область происхождения переселенцев либо на сохранение связей обители со своей прародиной. С одной стороны, легенда о драгоценностях, по заключению В. Н. Топорова, воплощает идею преемственности с западным наследием [56, с. 39–40]. Но, с другой стороны, факт существования европейских реликвий не позволяют отнести сюжет о переправе ценностей из Рима в Новгород к позднейшим легендарным вымыслам. Идея укрощения вод и практика миграции монастырей — характерные признаки ирландского христианства. Они свидетельствуют, что к появлению на берегах Волхова необычной общины были причастны люди, не чуждые своеобразия данной религиозной традиции [31, с. 427; 22, с. 170; 28, с. 67; 50, с. 291]. На момент канонизации Антония в XVI в. история переселения — центральный момент памяти о святом. Реальные события были переосмыслены и изложены не в легендарном, а житийном ключе, не свойственном восточнохристианской агиографической традиции. Переселением основателя обители в Новгород из конфессионально чуждой среды возможно объясняется довольно длительное существование Антониева монастыря вне территориальной юрисдикции местного епископа.

Признаков особого положения обители, указывающих на ее заморское происхождение, несколько. Во-первых, монастырь более двух десятилетий существует автономно после его обоснования на новгородской окраине. Только Нифонт подчинил своей власти монастырь. Летопись под 1131 г. сообщает: «тѣгда же Антона игуменомъ Нифонтѣ архепископѣ постави» [37, с. 22]. Этому предшествовала необычная процедура. Антоний, согласно житийному повествованию, прежде чем быть рукоположенным во игумена, был единовременно проведен по всем ступеням посвящения: сначала дьякон, потом иеромонах и только затем игумен. По заключению В. Н. Топорова, описанные «Житием» действия правдоподобны как раз в силу крайней исключительности, за которой не могут стоять житийные стереотипы [56, с. 19]. Логично предполагать, что Антоний осуществлял руководство основанным им монастырем не будучи игуменом. Однако Э. А. Гордиенко считает, что Антоний не принимал пострига, занимался купеческим промыслом и тем обеспечивал финансирование строительства монастыря [12, с. 73]. Но дело не ограничивалось изменением статуса лидера, превратившегося

² Укажем также камень Антония Римлянина у д. Мстонь близ Новгорода (устное сообщение М. В. Шорина).

³ Экспозиция «Ювелирное и декоративно-прикладное искусство V–XIX веков в собрании Новгородского музея-заповедника». Грановитая палата (см. также: [2, с. 99–100]).

из ктитора в настоятеля. Вместе с Антонием к крестоцелованию были приведены все насельники монастырской общины [61, с. 265]. Подобную процедуру трудно интерпретировать иначе, как ликвидация независимости от новгородских владык. Церковной истории известны примеры особого автономного положения монастырей. Отсутствие территориальных юрисдикций было характерно как раз для ирландских монастырей, объединявшихся в конфедерации [50, с. 297].

Укажем на второй признак особого, независимого статуса Антониева монастыря. В «Духовной грамоте» Антоний специально подчеркивает, что к устройству обители им принципиально не были допущены ни князь, ни владыка: «не приях ни имения ото князя, ни от епископов» [40, с. 48]. Он завещает своим последователям избирать игумена из собственной среды и категорически запрещает вмешательство духовных и светских властей, а также выдвижение кандидатов на пост при поддержке деньгами и внешней силою: «А кого изберут братья и от братьи иже хто в месте сем терпит. А которой брат наш да от места сего начнет хотети игуменства или мздою или насильем, да будет проклят. Или ото князя начнет насилью деяти кому или по мзде, да будет проклят. Или епископ по мзде начнет кого ставити, или ин начнет насильством творить на месте сем, да будет проклят» [40, с. 49]. В такой форме вырабатывалась политика, направленная на сохранение суверенитета монастыря. Духовная отражает намерения основателя обители сохранить ее автономию и иммунитет на основе финансовой независимости.

К числу признаков нетипичности Антониевой обители как для Новгорода, так и для Древней Руси в целом следует добавить особенности внешнего вида первоначальной монастырской постройки и неповторимость системы росписи храма.

Строительство церкви Рождества Богородицы (1117–1119) и ее роспись в 1125 г. приходится на время правления епископа Иоанна Попьяна (1110–1130, † 1144) [37, с. 20–21]. Вместе с тем участие в свершениях по устройству обители приписано Никите (1096–1109), так как Попьян исключен из Синодиков за самовольное оставление кафедры. И в архитектуре собора и в его росписях целый ряд исследователей усматривают отпечаток романских традиций [25, с. 25; 10, с. 191; 23, с. 262–264]. Нетипичность архитектурно-живописного комплекса церкви Рождества Богородицы признают даже те, кто оценивает данное явление в контексте греческих традиций [18, с. 309–314; 47, с. 14–16, 20–22]. Непривычный для новгородцев облик постройки обратил на себя внимание современников, которые, что характерно, называли Рождественский собор «божницей», как и латинские храмы [37, с. 21]. Храм первоначально был возведен одноглавым, с удлинёнными пропорциями и выделением центральной закомары над более низкими боковыми. В сравнении с другими древнерусскими постройками изменилась внутренняя структура за счет смещения опорных столбов к стенам и придания им восьмигранной формы. Восточным столбам придан вид стенообразной плоскости, включенной в алтарную преграду. Все вместе создавало иллюзию единого храмового объема. Речь, конечно, может идти о комбинировании признаков разных архитектурных традиций. А. И. Комеч находил «очень соблазнительным связать подобные формы с влиянием романского искусства, привнесенным самим Антонием Римлянином», но при этом приемы крестово-купольной организации пространства исследователь оценивал как типично византийские, а трактовки форм — романскими [18, с. 311]. Только после смерти в 1147 г. Антония сооружению была придана удлиненность в плане и трехглавость в духе княжеских храмов той поры. Пристроена еще угловая круглая башня-звонница. Традиция звонов тоже пришла к нам с Запада. При мощах Антония

сохранился колокол европейского происхождения XII в. [34, с. 245]. Само название инструмента восходит к ирландско-кельтской этимологии [29, с. 238–245].

Крайне необычна программа росписи Рождественского храма, живописным языком выражавшая нетипичные для византийских церквей идейные смыслы. Беспрецедентно появление в алтаре и дьяконнике монашеских ликов рядом со святителями (Герасима Иорданского, Харитона Исповедника и неперсонифицированных иноков) [47, с. 54, 169]. В основном объеме постройки применен небывалый прием изображения представителей святительского чина в простенках между окнами на одном уровне с молящимися в храме монахами. Композиционное повторение соседства иерархов и простых иноков выражало мысль заказчика о равенстве всех последователей Христа безотносительно к сану. Наглядная демонстрация такого равенства запечатлена на страницах «Жития Антония Римлянина» в сцене встречи новгородского епископа Никиты с несановитым основателем монастыря, мигрировавшим из Европы. Согласно тексту, оба одновременно пали ниц друг перед другом, испрашивая взаимного благословения: «Никита падь предь преподобнымъ на землю, прося благословения и молитвы от него; преподобный же падь предь святителемъ на землю... и оба лежаста на земли и плакастася, помачая землю слезами на многъ часъ, друг у друга просяще благословения и молитвы» [51, с. 254]. И символика фресковой живописи, и не имеющее прототипов в греческой агиографии житийная сцена демонстрируют раскрепощенность от строгих церковных правил иерархической субординации. Этим можно объяснить и длительное отсутствие сана у Антония, и многолетнюю автономность монастыря, не встроеного в иерархическую структуру новгородской епархии. Напомним также о проявлении Кириком независимости от церковноначалия (возражения архиепископу, беседы члена владычной свиты с автокефальным митрополитом Климентом Смолятичем — врагом Нифонта, который был вызван в Киев и посажен в заключение). Все шло вразрез с церковной субординацией. Остается добавить, что в Ирландии и кельтской Британии настоятель монастыря был не подвластен епископу, а организация общин строилась на демократических началах по образцу раннехристианских общин, чуждых иерархизму [22, с. 74, 91–92]. Подобной традиции, судя по всему, придерживался и оказавшийся в новгородских пределах монастырь-переселенец. Дух независимости выходец из монастыря-переселенца сохранил и даже фрондировал этим.

Сюжеты фрескового убранства храма выводят на медицинскую тему. Выделяющиеся на фоне росписей сакральные изображения безвозмездных врачей дают основание считать, что монастырь являлся не обычной христианской обителью, а обителью с медицинской специализацией. На целительскую деятельность в основанной переселенцами из Рима обители указывают центральные для храма изображения сразу двух пар святых лекарей на алтарных столбах: Иоанна и Кира — с левой стороны, Флора и Лавра — с правой. У каждой пары в руках находятся вместилища лекарств (жидких и твердых) и свитки с изречениями [47, с. 18–19; 13, с. 17]. Иконографически образы целителей увязаны с двумя способами лечения: при помощи лекарств и молитв. Подобный подход отражает терпимое отношение к телесному, в отличие от аскетических установок, настраивавших на прятие страданий от недуга, как на испытание плоти недугами. Во многих древнерусских монастырях сложился культ болезни, а святые отказывались облегчать свое болезненное, либо в страданиях предсмертное состояние (Феодосий Печерский, Сергей Радонежский и др.). Подобные установки были присущи Студийскому уставу, действовавшему в Киево-Печерском монастыре с 1062 г. Согласно ему, в обязанности «больничника» входили только гигиенический уход и приобщение

больных к святыням [58, с. 69]. Как следствие, при монастырях господствовали теургические способы целительства в форме молитв, принятия святой воды, поклонения мощам. «Киево-Печерский патерик» обличает бессилие врачей, демонстрируя принципиальное неприятие профессиональной медицины [14, с. 30, 133; 39–41, 143–145].

Надо полагать, что применявшиеся в Антониевом монастыре приемы целительства не отличались от конкретики фресковых изображений, представлявших святых целителей одновременно и предстоящими пред Богом заступниками, и врачами, назначающими лекарства. На причастность Антониева монастыря медицинским практикам указывает не только обнадеживающая встреча вступивших под своды храма с врачами-заступниками, но также ритуальные манипуляции больных у камня Антония [24, с. 203–208], а еще хорошая медицинская осведомленность Моисея († 1187) — пятого после Антония игумена в монастыре-переселенце. В духе специализации своей обители настоятель написал поучение о способах сохранения здоровья. Кроме рекомендаций придерживаться меры и диетических правил, автор поучения сообщает пастве о возбудителях болезни: горячку связывает с желтой желчью, лихорадку — с зеленой, а причину смерти возводит к возбуждению черной желчи [4, с. 284–285]. Характеристика дается в духе рассуждений средневековых медиков с позиций гуморальной теории. Все вместе дает основание считать, что лекарскими навыками обладали насельники монастыря, а врачевание основывалась на сочетании медикаментозных и теургических средств лечения. В таком виде медицина Антониева монастыря была достаточно передовой для своего времени [9, с. 111–129]. Если вспомнить, что все врачи в Киеве были иностранцами, то и профессиональную медицинскую практику в Новгород могли принести переселенцы из Европы, пришедшие вместе с Антонием. Чего только стоит в этом отношении свидетельство Ильи-Иоанна о том, что больных детей носили на молитву к «варяжскому попу» (пункт 16)⁴. Перенять специальную медицинскую подготовку у прибывших из Европы первоначальников могли и послушники из местного пополнения монастырской братии.

Судя по разносторонности знаний, которые получил в Антониевской обители Кирик, монастырь был подлинно научным средневековым центром. А одним из элементов ученой подготовки в Европе была медицина. Специальные знания через мигрантов проникали на Русь, а монастырь-переселенец являлся весьма подходящей формой для организации неизвестной новгородцам лекарской практики [9]. У самого Кирика из 101 вопроса 15 касаются ситуаций с заболевшими. В «Вопрошании» медицинской темы он касался только с целью выяснения правил ритуальных контактов с больными, а это значит, что с подобными ситуациями в своей жизни он сталкивался часто, так сказать, по месту жительства.

Если оценивать творческое наследие Кирика в контексте специфических черт монастыря-переселенца в целом, можно считать, что именно у мигрантов из Европы Кирик смог получить высокую, не сопоставимую ни с одним другим древнерусским монастырем, подготовку. Воспитанник монастыря-переселенца продемонстрировал широчайший диапазон познаний. Сумма освоенных им астрономических, математических и календарных знаний с учетом профессиональных занятий церковными песнопениями представляет практически квадравиум, который в Средневековье соответствовал высшей образовательной программе. Подобное образование можно было получить в европейских университетах или в греческой высшей школе. Но Кирик не мог происходить из числа пришлых на Русь греков — слишком незначительны для образованного

⁴ Отдельная нумерация вопросов Ильи в составе «Вопрошания».

византийца были занимаемые им церковные должности. Скорее он представлял первое поколение русского пополнения основанной Антонием обители, открывшей перед талантливым юношей возможности для всестороннего развития, включая философию, богословие и каноническое право.

Фундаментальное владение тонкостями византийской догматики и церковного права сочетались в творениях Кирика с привлечением западных и моравских источников, а также со смелым свободомыслием при введении в оборот конфессионально чуждого и апокрифического материалов. Неоспоримо, что в числе источников учености было овладение полученным Русью византийским наследием в объеме, который сопоставим с содержанием известных древнейших переводных рукописей XI–XII вв. Ошибочно мнение о том, что монастырь мог быть исключительно «форпостом латинской церкви» [32], или обителью, жившею по уставу бенедиктинцев [17, с. 130]. Скорее учителями Кирика Новгородца были последователи кирилло-мефодиевской традиции, с одинаковым пиететом относившиеся к духовным ценностям западного и восточного христианства. В русских условиях ориентация на Константинополь в том синтезе постепенно занимала преобладающее значение, но при этом черты независимости и оригинальности сохранялись. По наблюдениям К. А. Костромина, Кирик стремился к употреблению латинско-греческих консонансов, что указывает на сознательное лингвистическое синтезирование, которым обыгрывался принцип единства имевшихся в его распоряжении византийских и европейских книг [21, с. 348–351]. Кроме того, культурные маркеры указывают на наличие реминисценций, восходящих к пережиточным на то время традициям ирландского христианства, гармонизованного с традицией солунских братьев. Все вместе предопределило неповторимое своеобразие и независимость Антониева монастыря и не имеющую аналогов оригинальность творчества воспитанника этой обители.

Творчество Кирика Новгородца — это всплеск веротерпимой, голодной до всяких знаний учености. Европейский научный опыт и проникновение в тонкости христианской догматики предопределили всеохватывающий подход Кирика к осмыслению действительности. Через призму канонов ученый инок оценивает церковную практику и своих современников, и с этих позиций он, по сути, создает энциклопедию тогдашней русской жизни. Брошенное на русскую почву переселенцами из Рима зерно знаний дало первый и зрелый плод средневековой русской научной и догматической мысли. Равный Кирику уровень математической квалификации на Руси был широко освоен только к XVI в., а установления его «Вопрошания» веками не теряли актуальности и включались в Кормчие книги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Баранкова Г. С., Мильков В. В. Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. СПб.: Алетейя, 2001. 972 с.
- 2 Белоброва О. А. К изучению жития Антония Римлянина // Монастырская культура: Восток и Запад / сост. Е. Г. Водолазкин. СПб.: Изд-во ИРЛИ РАН, 1999. С. 95–96.
- 3 Бенешевич В. Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований / изд. подгот. Ю. К. Бегуновым, И. С. Чичуровым, Я. Н. Щаповым; под общ. рук. Я. Н. Щапова. София: Изд-во БАН, 1987. Т. 2. 332 с.
- 4 Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 4. 687 с.

- 5 *Гаврюшин Н. К.* «Поновление стихий» в древнерусской письменности // Отечественная общественная мысль эпохи Средневековья. Киев: Наукова думка, 1988. С. 206–214.
- 6 *Герасимова И. А.* Поновление стихий в «Учении о числах» Кирика Новгородца // Новгородика 2010. Мат. научн.-практич. конф. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2011. Ч. 2. С. 240–248.
- 7 *Герасимова И. А.* Принципы гармонии в творчестве Кирика // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2012. Вып. 1. С. 128–153.
- 8 *Герасимова И. А.* Число в трудах Кирика Новгородца: проблемы интерпретации древнего понимания числа // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2017. Вып. 4. С. 25–48.
- 9 *Герасимова И. А., Мильков В. В.* Антониев монастырь и древнерусские лечебно-целительские практики // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2014. Вып. 3. С. 111–129.
- 10 *Гладенко Т. В., Красноречьев Л. Е., Штендер Г. М. и др.* Архитектура Новгорода в свете последних исследований // Новгород: К 1110-летию города. М.: Наука, 1964. С. 183–263.
- 11 *Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. М.: Изд-во Имп. Общества истории и древностей российских при Моск. ун-те: Университетская типография, 1901. Т. 1. Первый полутом. 1004 с.
- 12 *Гордиенко Э. А.* Антоний Римлянин // Великий Новгород. История и культура XI–XVII вв. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 73.
- 13 *Гордиенко Э. А.* Культ святых целителей в Новгороде XI–XII вв. // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2010. № 3. С. 16–25.
- 14 Древнерусские патерики / изд. подгот. Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников. М.: Наука, 1999. 496 с.
- 15 *Зверкина Г. А.* Архаические представления о числах и наследие Кирика Новгородца // Труды IX Междунар. Колмогоровских чтений. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. С. 239–243.
- 16 *Ключевский В. О.* Древнерусские жития как исторический источник. М.: Изд-е К. Солдатенкова, 1871. 479 с.
- 17 *Ковалева В. М.* К вопросу о западной ориентации строителей Рождественского монастыря в Новгороде Антония Римлянина // Прошлое Новгорода и Новгородской земли / отв. ред. В. Ф. Андреев. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 1993. С. 124–131.
- 18 *Комеч А. И.* Древнерусское зодчество конца X – начала XII в. М.: Наука, 1987. 320 с.
- 19 Космологические произведения в книжности Древней Руси. СПб.: Издат. дом «Мир», 2009. Ч. 2. 634 с.
- 20 *Костромин К. А.* «Вопрошание» Кирика с ответами Нифонта и канонико-правовое наследие Киевской Руси в контексте международных отношений // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2014. Вып. 3. С. 87–97.
- 21 *Костромин К. А.* Круг общения Кирика Новгородца: к вопросу о западноевропейских церковных взаимосвязях // Новгородика 2015. Мат. научн.-практич. конф. / сост. Е. В. Торопова [и др.]. Великий Новгород: [Б. и.], 2017. Ч. 1. С. 348–353.

- 22 Кузьмин А. Г. Падение Перуна. М.: Молодая гвардия, 1988. 240 с.
- 23 Лазарев В. Н. Византийское и древнерусское искусство. М.: Искусство, 1978. 336 с.
- 24 Макаров Н. А. Камень Антония Римлянина // Новгородский исторический сборник. Л.: Наука, 1984. № 2 (12). С. 203–210.
- 25 Максимов П. Н. Зарубежные связи в архитектуре Новгорода и Пскова XI–начала XVI веков // Архитектурное наследство. М.: Изд. литературы по строительству, архитектуре и строительным материалам, 1960. Вып. 12. С. 25–46.
- 26 Максимович К. А. Заповеди святых отец. Латинский пенитенциал VIII века в церковнославянском переводе. М.: Изд-во ПСТХГУ, 2008. 208 с.
- 27 Мильков В. В. История изучения. Споры об объеме наследия // Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М.: Круг, 2011. С. 13–79.
- 28 Мильков В. В., Симонов Р. А. Кирик Новгородец: ученый и мыслитель. М.: Круг, 2011. 544 с.
- 29 Мурьянов М. Ф. «Звонят колоколы вечныя в Великом Новегороде» (славянские параллели) // Славянские страны и русская литература. Л.: Наука, 1973. С. 238–245.
- 30 Мурьянов М. Ф. О космологии Кирика Новгородца // Вопросы истории астрономии. М.: Наука, 1974. С. 12–17.
- 31 Мурьянов М. Ф. О новгородской культуре XII века // Sacris Erudiri. 1969–1970. Bd. XIX. S. 415–436.
- 32 Мурьянов М. Ф. Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Сб. ст., посвященных Л. В. Черепнину. М.: Наука, 1972. С. 216–224.
- 33 Мурьянов М. Ф. Хронометрия Киевской Руси // История книжной культуры России. СПб.: Изд. дом «Мир», 2007. Ч. 1. С. 135–152.
- 34 Никаноров А. Б. Колокола // Великий Новгород. История и культура IX–XVII веков. Энциклопедический словарь. СПб.: Нестор-История. 2009. С. 245.
- 35 Никольский Н. К. К вопросу о западном влиянии на древнерусское церковное право // Библиографическая летопись ОЛДП. Пг.: Тип. Я. Башмаков и К°, 1917. Т. 3. С. 110–124.
- 36 Никольский Н. К. К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи // Вестник АН СССР. 1933. № 8–9. С. 5–18.
- 37 Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 640 с.
- 38 Описание Новгорода 1617 г. / под ред. В. Л. Янина; подгот. к публ. и вст. ст. В. Л. Янина, М. В. Бычковой. М.: Изд-во ИИ АН СССР, 1984. Ч. 1. 173 с.
- 39 Павлов А. С. Мнимые следы католического влияния в древнейших памятниках югославянского и русского церковного права. М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1892. 383 с.
- 40 Памятники истории Великого Новгорода и Пскова. Л.; М.: Соцэкгиз, 1935. 192 с.
- 41 Панченко А. А. Народное православие. СПб.: Алетейя, 1998. 305 с.
- 42 Пенская Д. С. Ирландское «Плавание Брендана» и византийское «Сказание отца нашего Агапия»: возможные точки пересечения // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XVII (чтения памяти И. М. Тронского): Мат. Междунар. конф., проходившей 24–26 июня 2013 г. / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2013. С. 697–716.

- 43 *Подскальски Г.* Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.) / пер. с нем. А. В. Назаренко; под ред. К. К. Акентьева. СПб.: Византино-россика, 1996. 572 с.
- 44 *Пыпин А. Н.* История древней русской литературы. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1898. Т. 1: Древняя письменность. 484 с.
- 45 *Рыжова Е. А.* «Мотив плавания святого на камне» в житии Антония Римлянина и фольклоре // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации. СПб.: Пушкинский Дом, 2011. Т. II. С. 3–34.
- 46 *Сарабьянов В. Д.* Образ монашества в древнерусском искусстве XI — середины XII столетия // Древнерусское искусство [Т. 29]. Идея и образ. Опыты изучения византийского и древнерусского искусства: Материалы Международной научной конференции 1–2 ноября 2005 г. М.: Северный паломник, 2009. С. 161–194.
- 47 *Сарабьянов В. Д.* Собор Рождества Богородицы Антониева монастыря в Новгороде. М.: Северный паломник, 2002. 88 с.
- 48 *Секретарь Л. А.* Антоний Римлянин и его деятельность по устройению монастыря в честь Рождества Богородицы в Новгороде — место формирования личности выдающегося ученого-математика и богослова // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2012. Ч. 1. С. 72–95.
- 49 *Селешников С. И.* История календаря и хронология / под ред. П. Г. Куликовского. М.: Наука, 1970. 224 с.
- 50 *Симонова А. А.* Житие Антония Римлянина: европейские параллели в агиографической сюжетике // Кирик Новгородец и древнерусская культура. Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 2017. Вып. 4. С. 288–300.
- 51 Сказание о житии преподобного Антония Римлянина // Святые русские римляне: Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский / подгот. текст. и исслед. Н. В. Ромазановой. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 392 с.
- 52 *Смирнов С.* Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины (тексты и заметки). М.: Изд. Импер. об-ва истории и древностей российских при Моск. ун-те: Синодальная тип., 1912. 568 с.
- 53 *Суворов Н. С.* Следы Западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права. Ярославль: Типолитограф. Г. Фальк, 1888. 294 с.
- 54 *Суворов Н. С.* К вопросу о западном влиянии на древнерусское право. Ярославль: Типолитограф. М. Х. Фальк, 1893. 384 с.
- 55 *Тихонравов Н. С.* Памятники отреченной русской литературы. М.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1863. Т. 2. 478 с.
- 56 *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. М.: Языки русской культуры, 1998. Т. 2: Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.). 864 с.
- 57 *Турилов А. А.* О датировке и месте создания календарно-математических текстов «семитысячников» // Естественнонаучные представления Древней Руси. М.: Наука, 1988. С. 27–38.
- 58 *Федор Студит, пр.* Монастырский устав. Великое оглашение. М.: Изд-во Московской патриархии, 2001. Ч. I. 331 с.
- 59 *Фет Е. А.* Житие Антония Римлянина // СККДР. Л.: Наука, 1988. Вып. 2: Вторая половина XIV–XVI в. Ч. 1. С. 245–247.
- 60 *Флоровский А. В.* Чешские струи в истории русского литературного развития // Славянская филология. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Вып. III. С. 211–251.
- 61 *Фроянов И. Я.* Мятёжный Новгород. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1992. 280 с.

- 62 *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М.: Изд-во МГУ, 1986. 224 с.
- 63 *Хорошев А. С.* Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М.: Изд-во МГУ, 1980. 206 с.
- 64 *Янин В. Л.* Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962. 387 с.
- 65 *Янин В. Л.* Очерки комплексного источниковедения. М.: Изд-во МГУ, 1977. 240 с.

© 2020. Vladimir V. Milkov
Moscow, Russia

**KYRIK NOVGORODETS — A SCHOLAR MONK
AND HIS “UNIVERSITY”
(ON THE VALUE OF ST. ANTHONY’S MONASTERY
IN THE CREATIVE DESTINY OF THE ANCIENT RUSSIAN SCRIBE)**

Abstract: The paper, addressing written and nonverbal sources, analyzes the quality of Kirik Novgorodets' scholarship referred to as the higher education of that era. The scientific and theological outlook of Kirik was atypical for the monastery culture of pre-Mongol time. The author concludes that creative heritage of Kirik Novgorodets had no analogues in the ancient Russian literature. That was due to his teachers, who migrated from Europe and became founders of the Nativity of the Mother of God monastery. Kirik's innovation was determined by religious originality of St. Anthony's monastery, manifested in the architecture, the program of paintings, the book collection and internal order of monastic life. The paper argues in favor of linking the monastery-migrant's origin with a region of Italy, where both traditions of Eastern and Western Christianity were treated with the same deference. There were found Latin-Greek consonances and a complete absence of anti-Latin bias in the texts of Kirik. This feature reflects the translation of European elements with typological signs of the Kirillo-Mefodian tradition and relic elements of Irish Christianity. The paper considers Kirik to be a representative of the rationalized Christian tradition, displaying an interest in the ancient heritage and methodology of the Pythagoreans.

Keywords: Ancient Rus', Kirik Novgorodets, St. Anthony's monastery, European influence on the Novgorod culture of the 12th century.

Received: November 22, 2019

Date of publication: June 28, 2020

Information about the author: Vladimir V. Mil'kov — DSc in Philosophy, Leading Research Fellow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Goncharnaya 12, bldg. 1, 109240 Moscow, Russia. E-mail: dr_milkov@mail.ru

For citation: Mil'kov V. V. Kyrik Novgorodets — a scholar monk and his “university” (on the value of St. Anthony's monastery in the creative destiny of the ancient Russian scribe). *Vestnik slavianskikh kul'tur*, 2020, vol. 56, pp. 8–29. (In Russian) DOI: <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-56-8-29>

REFERENCES

- 1 Barankova G. S., Mil'kov V. V. *Shestodnev Ioanna ekzarkha Bolgarskogo* [The Hexaameron of John the Exarch of the Bulgarian]. St. Petersburg, Aleteia Publ., 2001. 972 p. (In Russian)

- 2 Belobrova O. A. K izucheniiu zhitiiia Antonia Rimlianina [To the studies of the life of Anthony the Roman]. In: *Monastyrskaiia kul'tura: Vostok i Zapad* [Monastic culture: East and West], compiled by E. G. Vodolazkin. St. Petersburg, Izdatel'stvo IRLI RAN Publ., 1999, pp. 95–96. (In Russian)
- 3 Beneshevich V. N. *Drevneslavianskaia Kormchaia XIV titulov bez tolkovanii* [Old Slavic nomocanon of the XIV titles without interpretation], the publication was prepared by Iu. K. Begunov, I. S. Chichurov, Ia. N. Shchapov; under the General direction of Ia. N. Shchapov. Sofiia, Izdatel'stvo BAN Publ., 1987. Vol. 2. 332 p. (In Russian)
- 4 *Biblioteka literatury Drevnei Rusi* [Library of literature of Ancient Rus']. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. Vol. 4. 687 p. (In Russian)
- 5 Gavriushin N. K. “Ponovlenie stikhii” v drevnerusskoi pis'mennosti [“Renewal of elements” in Old Russian writing]. In: *Otechestvennaia obshchestvennaia mysl' epokhi Srednevekov'ia* [Russian public thought of the Middle Ages]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1988, pp. 206–214. (In Russian)
- 6 Gerasimova I. A. Ponovlenie stikhii v “Uchenii o chislakh” Kirika Novgorodtsa [New elements in the “Doctrine of numbers” by Kirik Novgorodets]. In: *Novgorodika 2010. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Novgorodika 2010. Proceedings of the scientific and practical conference]. Velikii Novgorod, Izdatel'stvo NovGU Publ., 2011, part 2, pp. 240–248. (In Russian)
- 7 Gerasimova I. A. Printsipy garmonii v tvorchestve Kirika [The principles of harmony in the works of Kirik]. In: *Kirik Novgorodets i drevnerusskaia kul'tura* [Kirik of Novgorod and Old Russian culture]. Velikii Novgorod, Izdatel'stvo NovGU Publ., 2012, vol. 1, pp. 128–153. (In Russian)
- 8 Gerasimova I. A. Chislo v trudakh Kirika Novgorodtsa: problemy interpretatsii drevnego ponimaniia chisla [Number in the works of Kirik Novgorodets: problems of interpretation of the ancient understanding of number]. In: *Kirik Novgorodets i drevnerusskaia kul'tura* [Kirik of Novgorod and Old Russian culture]. Velikii Novgorod, Izdatel'stvo NovGU Publ., 2017, vol. 4, pp. 25–48. (In Russian)
- 9 Gerasimova I. A., Mil'kov V. V. Antoniev monastyr' i drevnerusskie lechebno-tselitel'skie praktiki [Antoniev monastery and Old Russian healing practices]. In: *Kirik Novgorodets i drevnerusskaia kul'tura* [Kirik of Novgorod and Old Russian culture]. Velikii Novgorod, Izdatel'stvo NovGU Publ., 2014, vol. 3, pp. 111–129. (In Russian)
- 10 Gladenko T. V., Krasnorech'ev L. E., Shtender G. M. i dr. Arkhitektura Novgoroda v svete poslednikh issledovaniu [Architecture of Novgorod in the light of recent research]. In: *Novgorod: K 1110-letiiu goroda* [Novgorod: to the 1110th anniversary of the city]. Moscow, Nauka Publ., 1964, pp. 183–263. (In Russian)
- 11 Golubinskii E. E. *Istoriia Russkoi Tserkvi* [History of The Russian Church]. Moscow, Izdatel'stvo Imperatorskogo Obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete: Universitetskaia tipografiia Publ., 1901. Vol. 1. Pervyi polutom [The first half-volume]. 1004 p. (In Russian)
- 12 Gordienko E. A. Antonii Rimlianin [Antony Rimlyanin]. In: *Velikii Novgorod. Istoriia i kul'tura XI–XVII vv. Entsiklopedicheskii slovar'* [Veliky Novgorod. History and culture of the 11th–17th centuries. Encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, p. 73. (In Russian)
- 13 Gordienko E. A. Kul't sviatykh tselitelei v Novgorode XI–XII vv. [The cult of Holy healers in Novgorod in the 11th–12th centuries]. *Drevniaia Rus': voprosy medievistiki*, 2010, no 3, pp. 16–25. (In Russian)

- 14 *Drevnerusskie pateriki* [Old Russian patericons], edition prepared by L. A. Ol'shevskaja, S. N. Travnikov. Moscow, Nauka Publ., 1999. 496 p. (In Russian)
- 15 Zverkina G. A. Arkhaicheskie predstavleniia o chislakh i nasledie Kirika Novgorodtsa [Archaic ideas about numbers and the legacy of Kirik Novgorodets]. In: *Trudy IX Mezhdunarodnykh Kolmogorovskikh chtenii* [Proceedings of the IX international Kolmogorov readings]. Iaroslavl', Izdatel'stvo IaGPU Publ., 2011, pp. 239–243. (In Russian)
- 16 Kliuchevskii V. O. *Drevnerusskie zhitiia kak istoricheskii istochnik* [The Old Russian hagiography as a historical source]. Moscow, Izdanie K. Soldatenkova Publ., 1871. 479 p. (In Russian)
- 17 Kovaleva V. M. K voprosu o zapadnoi orientatsii ustroitelei Rozhdestvenskogo monastyria v Novgorode Antonia Rimlianina [On the question of the Western orientation of the organizers of the Nativity monastery in Novgorod, Antony Rimlyanin]. In: *Proshloe Novgoroda i Novgorodskoi zemli* [Past of Novgorod and the Novgorod land], responsible editor V. F. Andreev. Velikii Novgorod, Izdatel'stvo NovGU Publ., 1993, pp. 124–131. (In Russian)
- 18 Komech A. I. *Drevnerusskoe zodchestvo kontsa X – nachala XII v.* [Old Russian architecture of the end of the 10th – early 12th century]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 320 p. (In Russian)
- 19 *Kosmologicheskie proizvedeniia v knizhnosti Drevnei Rusi* [Cosmological works in the booklore of Ancient Russia]. St. Petersburg, Izdatel'skii dom “Mir” Publ., 2009. Part 2. 634 p. (In Russian)
- 20 Kostromin K. A. “Voproskanie” Kirika s otvetami Nifonta i kanonikopravovoe nasledie Kievskoi Rusi v kontekste mezhdunarodnykh otnoshenii [Kirik's “questioning” with Nifont's answers and canonical legal heritage of Kievan Rus in the context of international relations]. In: *Kirik Novgorodets i drevnerusskaia kul'tura* [Kirik Novgorodets and Old Russian culture]. Velikii Novgorod, Izdatel'stvo NovGU Publ., 2014, vol. 3, pp. 87–97. (In Russian)
- 21 Kostromin K. A. Krug obshcheniia Kirika Novgorodtsa: k voprosu o zapadnoevropeiskikh tserkovnykh vzaimosviaziakh [Kirik Novgorodets ' circle of contacts: on the issue of Western European Church relations]. In: *Novgorodika 2015. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Novgorodika 2015. Proceedings of the scientific and practical conference], compiled by E. V. Toropova [and other]. Velikii Novgorod, without Publ., 2017, part 1, pp. 348–353. (In Russian)
- 22 Kuz'min A. G. *Padenie Peruna* [Fall of Perun]. Moscow, Molodaia gvardiia Publ., 1988. 240 p. (In Russian)
- 23 Lazarev V. N. *Vizantiiskoe i drevnerusskoe iskusstvo* [Byzantine and old Russian art]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. 336 p. (In Russian)
- 24 Makarov N. A. Kamen' Antonia Rimlianina [Stone of Antony Rimlyanin]. In: *Novgorodskii istoricheskii sbornik* [Novgorod historical collection]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, no 2 (12), pp. 203–210. (In Russian)
- 25 Maksimov P. N. Zarubezhnye sviazi v arkhitekture Novgoroda i Pskova XI –nachala XVI vekov [Foreign relations in the architecture of Novgorod and Pskov in the 11th – early 16th centuries]. In: *Arkhitekturnoe nasledstvo* [Architectural heritage]. Moscow, Izdatel'stvo literatury po stroitel'stvu, arkhitekture i stroitel'nym materialam Publ., 1960, vol. 12, pp. 25–46. (In Russian)

- 26 Maksimovich K. A. *Zapovedi sviatykh otets. Latinskii penitentsial VIII veka v tserkovnoslavianskom perevode* [The commandments of the saint fathers. The eighth-century Latin ritual in Church Slavonic translation]. Moscow, Izdatel'stvo PSTKhGU Publ., 2008. 208 p. (In Russian)
- 27 Mil'kov V. V. *Istoriia izucheniia. Spory ob ob"eme naslediiia* [History of study. Disputes about the volume of heritage]. In: Mil'kov V. V., Simonov R. A. *Kirik Novgorodets: uchenyi i myslitel'* [Kirik Novgorodets: scientist and thinker]. Moscow, Krug Publ., 2011, pp. 13–79. (In Russian)
- 28 Mil'kov V. V., Simonov R. A. *Kirik Novgorodets: uchenyi i myslitel'* [Kirik of Novgorod: scientist and thinker]. Moscow, Krug Publ., 2011. 544 p. (In Russian)
- 29 Mur'ianov M. F. “Zvoniat kolokoly vechnyia v Velikom Novegorode” (slavianskie paralleli) [“Eternal ringing of the bells in the Great Novgorod” (Slavic parallel)]. In: *Slavianskie strany i russkaia literature* [The Slavic countries and Russian literature]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 238–245. (In Russian)
- 30 Mur'ianov M. F. O kosmologii Kirika Novgorodtsa [On the cosmology of Kirik Novgorodets]. In: *Voprosy istorii astronomii* [Issues of the history of astronomy]. Moscow, Nauka Publ., 1974, pp. 12–17. (In Russian)
- 31 Mur'ianov M. F. O novgorodskoi kul'ture XII veka [On Novgorod culture of the 12th century]. *Sacris Erudiri*, 1969–1970, no XIX, pp. 415–436. (In Russian)
- 32 Mur'ianov M. F. Russko-vizantiiskie tserkovnye protivorechiia v kontse XI v. [Russian-Byzantine Church contradictions at the end of the 11th century]. In: *Feodal'naia Rossiia vo vsemirno-istoricheskom protsesse. Sbornik statei, posviashchennykh L. V. Cherepninu* [Feudal Russia in the world historical process. Collection of articles dedicated to L. V. Cherepnin]. Moscow, Nauka Publ., 1972, pp. 216–224. (In Russian)
- 33 Mur'ianov M. F. Khronometriia Kievskoi Rusi [Chronometry of Kievan Rus']. In: *Istoriia knizhnoi kul'tury Rossii* [History of Russian book culture]. St. Petersburg, Izdatel'skii dom “Mir” Publ., 2007, part 1, pp 135–152. (In Russian)
- 34 Nikanorov A. B. Kolokola [Bells]. In: *Velikii Novgorod. Istoriia i kul'tura IX–XVII vekov. Entsiklopedicheskii slovar'* [Veliky Novgorod. History and culture of the IX–XVII centuries. Encyclopedic dictionary]. St. Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2009, p. 245. (In Russian)
- 35 Nikol'skii N. K. K voprosu o zapadnom vliianii na drevnerusskoe tserkovnoe pravo [On the question of Western influence on old Russian Church law]. In: *Bibliograficheskaia letopis' OLDP* [Bibliographic chronicle of the OLDP]. Petrograd, Tipografiia Ia. Bashmakov i K^o Publ., 1917, vol. 3, pp. 110–124. (In Russian)
- 36 Nikol'skii N. K. K voprosu o sledakh moravo-cheshskogo vliianiia na literaturnykh pamiatnikakh domongol'skoi epokhi [On the issue of traces of Moravian-Czech influence on literary monuments of the pre-Mongol era]. *Vestnik AN SSSR*, 1933, no 8–9, pp. 5–18. (In Russian)
- 37 *Novgorodskaia pervaiia letopis' starshego i mladshhego izvodov* [The first Novgorod chronicle of senior and junior recensions]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1950. 640 p. (In Russian)
- 38 *Opis' Novgoroda 1617 g.* [Inventory of Novgorod 1617], edited by V. L. Ianin; preparation for publication and introductory article by V. L. Ianin, M. V. Bychkov. Moscow, Izdatel'stvo II AN SSSR Publ., 1984. Part 1. 173 p. (In Russian)
- 39 Pavlov A. S. *Mnimye sledy katolicheskogo vliianiia v drevneishikh pamiatnikakh iugoslavianskogo i russkogo tserkovnogo prava* [Imaginary traces of Catholic

- influence in the oldest monuments of Yugoslav and Russian Church law]. Moscow, Tipografiiia A. I. Snegirevoi Publ., 1892. 383 p. (In Russian)
- 40 *Pamiatniki istorii Velikogo Novgoroda i Pskova* [Monuments of the history of Veliky Novgorod and Pskov]. Leningrad, Moscow, Sotsekgiz Publ., 1935. 192 p. (In Russian)
- 41 Panchenko A. A. *Narodnoe pravoslavie* [Popular Orthodoxy]. St. Petersburg, Aleteiia Publ., 1998. 305 p. (In Russian)
- 42 Penskaia D. S. Irlandskoe “Plavanie Brendana” i vizantiiskoe “Skazanie ottsa nashego Agapiia”: vozmozhnye tochki peresecheniia [The Irish “Brendan's Voyage” and the Byzantine “The Tale of our father Agapius”: possible points of intersection]. In: *Indoevropeskoe iazykoznanie i klassicheskaiia filologiia — XVII (chteniia pamiati I. M. Tronskogo): Materialy Mezhdunarodnoi konferentsii, prokhodivshei 24–26 iunია 2013 g.* [Indo-European linguistics and classical Philology-XVII (readings in memory of I. M. Tronsky): Proceedings of the International conference held on June 24–26, 2013], responsible edited by N. N. Kazanskii. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013, pp. 697–716. (In Russian)
- 43 Podskal'ski G. *Khristianstvo i bogoslovskaiia literatura v Kievskoi Rusi (988–1237 gg.)* [Christianity and theological literature in Kievan Rus (988–1237)], translated from German by A. V. Nazarenko; edited by K. K. Akent'eva. St. Petersburg, Vizantinorossika Publ., 1996. 572 p. (In Russian)
- 44 Pypin A. N. *Istoriia drevnei russkoi literatury* [History of ancient Russian literature]. St. Petersburg, Tipografiiia M. M. Stasiulevicha Publ., 1898. Vol. 1: *Drevniaia pis'mennost'* [Ancient writing]. 484 p. (In Russian)
- 45 Ryzhova E. A. “Motiv plavaniia sviatogo na kamne” v zhitii Antoniiia Rimlianina i fol'klore [“Motif of the Saint's sailing on a stone” in the life of Anthony the Roman and folklore]. *Russkaiia agiografiia: Issledovaniia. Materialy. Publikatsii* [Russian hagiography: Research. Materials. Publications]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2011, vol. II, pp. 3–34. (In Russian)
- 46 Sarab'ianov V. D. *Obraz monashstva v drevnerusskom iskusstve XI – serediny XII stoletiiia* [The image of monasticism in the Old Russian art of the 11 – mid-12 century]. *Drevnerusskoe iskusstvo [T. 29]. Ideia i obraz. Opyty izucheniia vizantiiskogo i drevnerusskogo iskusstva: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 1–2 noiabria 2005 g.* [Old Russian art [Vol. 29]. The idea and the image. Experiences in the study of Byzantine and Old Russian art: Proceedings of the International scientific conference November 1–2, 2005]. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2009, pp. 161–194. (In Russian)
- 47 Sarab'ianov V. D. *Sobor Rozhdestva Bogoroditsy Antonieva monastyria v Novgorode* [Cathedral of the Nativity of the Mother of God of the Antony monastery in Novgorod]. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2002. 88 p. (In Russian)
- 48 Sekretar' L. A. *Antonii Rimlianin i ego deiatel'nost' po ustroeniuiu monastyria v chest' Rozhdestva Bogoroditsy v Novgorode — mesto formirovaniia lichnosti vydaiushchegosia uchenogo-matematika i bogoslova* [Antony Rimlyanin and his work on arranging of the monastery in honor of the Nativity of the Virgin in Novgorod — the place of formation of the personality of an outstanding scientist-mathematician and theologian]. In: *Kirik Novgorodets i drevnerusskaiia kul'tura* [Kirik Novgorodets and Old Russian culture]. Velikii Novgorod, Izdatel'stvo NovGU Publ., 2012, part 1, pp. 72–95. (In Russian)

- 49 Seleshnikov S. I. *Istoriia kalendaria i khronologiia* [Calendar history and chronology], edited by P. G. Kulikovskii. Moscow, Nauka Publ., 1970. 224 p. (In Russian)
- 50 Simonova A. A. *Zhitie Antonii Rimlianina: evropeiskie paralleli v agiograficheskoi siuzhetike* [The life of Anthony the Roman: European Parallels in hagiographic plotting]. In: *Kirik Novgorodets i drevnerusskaia kul'tura* [Kirik Novgorodets and Old Russian culture]. Velikii Novgorod, Izdatel'stvo NovGU Publ., 2017, vol. 4, pp. 288–300. (In Russian)
- 51 *Skazanie o zhitii prepodobnogo Antoniiia Rimlianina* [The legend of the life of the monk Anthony the Roman]. In: *Sviatye russkie rimliane: Antonii Rimlianin i Merkurii Smolenskii* [Holy Russian Romans: Anthony the Roman and Mercury of Smolensk], preparation of texts and research by N. V. Romazanova. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2005. 392 p. (In Russian)
- 52 Smirnov S. *Materialy dlia istorii drevnerusskoi pokaiannoii distsipliny (teksty i zametki)* [Materials for the history of Old Russian penitential discipline (texts and notes)]. Moscow, Izdanie Imperatorskogo obshchestva istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete: Sinodal'naia tipografiia Publ., 1912. 568 p. (In Russian)
- 53 Suvorov N. S. *Sledy Zapadno-katolicheskogo tserkovnogo prava v pamiatnikakh drevnego russkogo prava* [Traces of Western Catholic Church law in monuments of ancient Russian law]. Iaroslavl', Tipolitografiia G. Fal'k Publ., 1888, 294 p. (In Russian)
- 54 Suvorov N. S. *K voprosu o zapadnom vliianii na drevnerusskoe pravo* [On the issue of Western influence on ancient Russian law]. Iaroslavl', Tipolitografiia M. Kh. Fal'k Publ., 1893. 384 p. (In Russian)
- 55 Tikhonravov N. S. *Pamiatniki otrenchennoi russkoi literatury* [Monuments of renounced Russian literature]. Moscow, Tipografiia tovarishchestva “Obshchestvennaia pol'za” Publ., 1863. Vol. 2. 478 p. (In Russian)
- 56 Toporov V. N. *Sviatost' i sviatye v russkoi dukhovnoi kul'ture* [Holiness and saints in Russian spiritual culture]. Moscow, Iazyki russkoi kul'tury Publ., 1998. Vol. 2: *Tri veka khristianstva na Rusi (XII–XIV vv.)* [Three centuries of Christianity in Russia (12–14 centuries)]. 864 p. (In Russian)
- 57 Turilov A. A. *O datirovke i meste sozdaniia kalendarno–matematicheskikh tekstov “semitysiachnikov”* [On the date and place of creation of calendar and mathematical texts “seven thousandth”]. In: *Estestvennonauchnye predstavleniia Drevnei Rusi* [Natural science representations of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 27–38. (In Russian)
- 58 Fedor Studit, pr. *Monastyrskii ustav. Velikoe oglashenie* [Monastic regulations. Great announcement]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskoi patriarkhii Publ., 2001. Part I. 331 p. (In Russian)
- 59 Fet E. A. *Zhitie Antoniiia Rimlianina* [The life of Anthony of Rome]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi*. Leningrad, Nauka Publ., 1988, vol. 2: *Vtoraia polovina XIV–XVI v.* [The Second half of the 14–16 century], part 1, pp. 245–247. (In Russian)
- 60 Florovskii A. V. *Cheshskie strui v istorii russkogo literaturnogo razvitiia* [Czech currents in the history of Russian literary development]. *Slavianskaia filologiia* [Slavic Philology]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR Publ., 1958, vol. III, pp. 211–251. (In Russian)
- 61 Froianov I. Ia. *Miatezhnyi Novgorod* [Rebellious Novgorod]. St. Petersburg, Izdatel'stvo SPbGU Publ., 1992. 280 p. (In Russian)

- 62 Khoroshev A. S. *Politicheskaia istoriia russkoi kanonizatsii (XI–XVI vv.)* [Political history of Russian canonization (11–16 centuries)]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1986. 224 p. (In Russian)
- 63 Khoroshev A. S. *Tserkov' v sotsial'no-politicheskoi sisteme Novgorodskoi feodal'noi respubliki* [The Church in the socio-political system of the Novgorod feudal Republic]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1980. 206 p. (In Russian)
- 64 Ianin V. L. *Novgorodskie posadniki* [Novgorod posadniks]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1962. 387 p. (In Russian)
- 65 Ianin V. L. *Ocherki kompleksnogo istochnikovedeniia* [Essays on complex source studies]. Moscow, Izdatel'stvo MGU Publ., 1977. 240 p. (In Russian)